
АЛИСА СИНЦОВА
ЛЮБОВЬ НА ЗАКВАСКЕ
Молочные реки
18+

Алиса Синцова

Любовь на закваске: Молочные реки

«Автор»
2026

Синцова А.

Любовь на закваске: Молочные реки / А. Синцова — «Автор», 2026

В тридцать пять Лена наконец наладила жизнь: работа юрисконсультом, одиннадцатилетняя дочь, заботы о маме и любимое домашнее сыроварение. После двух браков спокойствие кажется куда надёжнее романтики.Но после случайного спора на гастрономической выставке о спокойствии приходится забыть. Один бывший муж зовёт Лену на Бали. Второй уверяет, что всё исправил: купил для них квартиру на Патриарших, осталось только вернуться.А новый знакомый готов помочь осуществить мечту, которую она слишком долго откладывала.У каждого из них свой план на её счастье, а Лене осталось понять, в каком из этих будущих есть место для неё самой.Дать второй шанс одному бывшему? Поверить, что другой действительно изменился? Или рискнуть с мужчиной, о котором она пока знает слишком мало?Трое мужчин. Три разных варианта развития события и ни одной гарантии.А кого бы выбрали вы?

© Синцова А., 2026
© Автор, 2026

Алиса Синцова
Любовь на закваске: Молочные реки

Глава 1

Молочные реки
Первые три главы

Глава 1

— Леночка, если ещё одна кастрюля появится, ужинать будем в ванной.

Нина Петровна стояла посреди кухни с тарелкой котлет. На плите остывал суп, на столе были расставлены две сырные формы, большой лоток, весы и чашка, из которой Лена так и не успела допить чай. Кастрюля с молоком занимала единственную свободную конфорку.

— Больше не появится. Мне вот эту освободить, и всё уберу.

— Ты час назад сказала, что молоко должно постоять.

— Оно постояло. Теперь сгусток проверю.

Мама посмотрела на котлеты, потом на кастрюлю.

— А котлеты пока куда?

Лена выдвинула разделочную доску, переставила на неё сахарницу и взяла тарелку. Котлеты поместились между хлебницей и окном. В прежней кухне они с мамой не придумывали таких комбинаций: там можно было одновременно готовить, обедать и разложить школьный ватман, никого не заставляя втягивать живот.

Из комнаты выглянула Аня.

— Бабуль, можно мне две?

— Сначала руки.

— Я мыла.

— После телефона тоже помой, — сказала Лена и подняла крышку.

Молоко схватилось ровным белым пластом. Она сделала надрез, подвела под него плоскую сторону длинного ножа и чуть приподняла. Сгусток разошёлся гладко, в разрезе выступила светлая, почти прозрачная сыворотка. Лена наклонилась поближе, разглядывая края, и улыбнулась.

После рабочего дня Лене было приятно видеть, что хоть что-то получается с первого раза.

— Опять улыбается кастрюле, — сказала мама внучке. — А я ей котлеты принесла.

— Тебе я тоже улыбаюсь.

— Тебе бабушка ещё и суп варит, — заметила Аня.

— Поэтому бабушке я сейчас освобожу стол, а ты пока достанешь тетрадь.

Аня вздохнула, но за тетрадью пошла.

Лена разрезала сгусток длинными движениями, повернула кастрюлю и сделала поперечные надрезы. Сверху получилось аккуратно, в глубине нож всё время норовил уйти не туда. Раньше это её злило; теперь она не ждала в домашней кастрюле идеальных кубиков.

На ферме была широкая невысокая ёмкость для молока, большой стол и мойка, к которой не приходилось пробираться боком. Андрей сам выбрал для цеха плитку и уверял, что светлая затирка — это красиво, а мыть будет он. Два раза действительно мыл, потом нашёл человека с парогенератором, подружился с ним и ещё неделю собирался вместе с ним открыть выездную химчистку.

Оттуда Лена забрала большую шумовку из нержавейки с длинной ручкой. Андрей притащил её в первый же день, завернув в цветочную бумагу, потому что другого подарка к открытию не придумал. Лена тогда смеялась до слёз. Шумовка оказалась хорошей и пережила хозяйство, оба их переезда и развод.

Она положила нож на чистую тарелку, включила таймер и вернулась к дочериной тетради.

— Что у нас?

— Дроби. Я всё сделала, только тут не поняла.

«Тут» занимало полстраницы.

Лена прочитала условие, отодвинула солонку и села рядом. Аня немедленно прислонилась к ней плечом. В одиннадцать лет она могла весь день объяснять, что уже большая, а вечером прижаться всем своим весом, так что Лена съезжала к краю табуретки.

— Знаменатель у тебя куда делся?

— Я сократила.

— С чем?

Аня посмотрела на пример с некоторой обидой: до прихода матери он её вполне устраивал.

Мама поставила перед ними тарелки, подсела с другой стороны и принялась рассказывать, как в аптеке ей пытались продать средство от всего сразу. Лена слушала вполуха, ловила дочкину ручку, когда та слишком уверенно тянулась зачёркивать цифры, и считала оставшиеся до звонка минуты. Ей хотелось успеть поесть горячее.

Телефон завибрировал возле хлебницы.

«Мать моей дочери, приветствую. Как вы там? Звезда моя, уточни, пожалуйста, размер юной ноги. В прошлый раз я, кажется, погорячился».

Кирилл прислал фотографию ярко-зелёных кед на фоне пальмы. Следом пришло селфи: он приложил один кед к уху и скорчил серьёзную физиономию, будто ему позвонили по очень важному делу.

— Папа? — Аня заглянула в экран. — Ой, скажи, такие не надо.

— Сама ему скажи. Тридцать седьмой пока?

— Тридцать восьмой. Ты же мне кроссовки покупала.

Лена прикинула, когда именно дочь успела вырасти ещё на размер, и отдала телефон. Аня прижала кнопку записи, отвернулась от бабушки, будто сообщала отцу что-то секретное, и обстоятельно объяснила, какие кеды ей нужны.

— Пусть лучше деньги пришлёт, — негромко сказала мама.

— Он присылает.

— Я не про это. Обувь надо мерить.

Деньги Кирилл действительно присылал, хотя и не всегда вовремя. А вот обувь в последний раз купил на три размера больше: Аня примерила и сказала, что папа собирает её на вырост лет до двадцати.

Зазвонил таймер. Лена встала, вымыла руки и осторожно провела шумовкой по дну кастрюли. Нежные кусочки сгустка покачнулись в сыворотке; первые движения приходилось делать медленно, чтобы не разбить их в мелкую крошку.

— Ты сядь поешь, — сказала мама. — Я помешаю.

— Сейчас нельзя как кашу. Оно ещё мягкое.

— Я, между прочим, вижу.

Мама вымыла руки, засучила рукава. Лена протянула ей шумовку.

— Вот так, снизу подхватывай. И совсем потихоньку.

Мама принялась мешать с той осторожностью, с какой когда-то купала новорождённую Аню. Лена успела съесть котлету и несколько ложек пюре, прежде чем Нина Петровна спросила:

— А из этого молока у тебя в прошлый раз хорошо получилось?

— Да. Я специально такое же взяла.

— Дорогое.

— Знаю.

Мама больше ничего не сказала. Только подвинула ей вторую котлету.

Покупку зимних сапог она откладывала второй месяц, но на хорошее молоко деньги всё-таки находила. Мама это знала и больше не спрашивала.

— Мам, а папа спрашивает, мы в выходные дома? — сказала Аня.

— Он приезжает?

— Нет. У него интернет хороший будет.

Лена прикрыла глаза ладонью. Нина Петровна выразительно посмотрела на неё поверх кастрюли, но промолчала.

— Напиши: пусть позвонит в субботу. И спроси время, пожалуйста.

К половине десятого формы стояли в лотке, сыворотка стекала сквозь отверстия. Сыр ещё предстояло переворачивать, а солить Лена собиралась утром: сегодняшний труд не обещал немедленного ужина с красивой белой головкой. На ужин были мамины котлеты, и все три женщины уже успели их съесть.

Аня ушла собирать портфель. Нина Петровна мыла тарелки, Лена вытирала плиту. Они двигались по тесной кухне, по очереди отступая к окну или к холодильнику, и только однажды мама всё-таки задела её локтем.

— Ты завтра во сколько заканчиваешь?

— Как обычно. А что?

— Может, пройдёмся? Тебе же сапоги нужны.

— Мам, до зарплаты давай.

— У меня есть.

— Я знаю. Давай до зарплаты.

Ей хотелось сказать это мягко, и, кажется, получилось: мама кивнула, не обидевшись. Потом открыла холодильник и молча вынула банку огурцов, освобождая место для сыра, который Лена уберёт туда, когда будет готов.

В Химках они уже привыкли и к магазину у дома, и к автобусам, и к выключателю слева от двери, который поначалу искали не там. Но иногда мама подолгу рассматривала старые московские фотографии, и Лена начинала мысленно складывать деньги, которых у неё не было.

Мамину квартиру на Китай-городе продали ради долгов Андрея. На оставшееся купили эту двушку. Лена сама убеждала мать, что так будет разумнее, а потом они снова что-нибудь придумают. С тех пор придумывала, как поставить на кухне ещё одну кастрюлю.

— Ты чего притихла? — спросила мама.

— Устала немножко.

Нина Петровна стёрла мокрой губкой невидимое пятно на чистой раковине.

— Иди ложись. Я тут закончу.

— Мне ещё перевернуть надо.

— Тогда я тебе чай сделаю.

Лена достала из холодильника низкий контейнер с готовым сыром. Ему уже дали отлежаться после посолки, и теперь можно было попробовать, не морщась от резкого первого вкуса. Она отрезала тонкий ломтик, положила на хлеб и протянула матери.

— Ну как?

Мама пожевала, нахмурилась. Лена немедленно потянулась за вторым ломтиком.

— Что? Кислит?

— Нет. Я думаю, помидор сюда надо.

Помидоров не было. Мама достала огурец.

Лена записала в тетрадь время, когда разложила сгусток по формам, и поставила будильник на первое переворачивание. На полях осталась старая надпись Андрея: «Одобрено главным едоком». Четыре года назад ей было достаточно его одобрения, чтобы тут же придумать ещё что-нибудь.

Теперь мама доедала бутерброд и следила, не собирается ли дочь убрать контейнер.

— Оставь. Аня на завтрак попросит.

Лена отрезала им ещё по кусочку и придвинула сыр к чайнику.

Глава 2

В пятницу за десять минут до конца рабочего дня Лене принесли жалобу на четырёх листах. Жалоба была адресована начальнику, прокурору и «всем, кто ещё сохранил совесть».

— Елена Викторовна, посмотрите, пожалуйста. Только сегодня бы.

Лена посмотрела на часы. Потом сняла пальто со спинки стула, где оно уже лежало наготове, и вернула на вешалку.

Из четырёх листов можно было понять, что человек очень сердится, но нельзя было понять, какого решения он добивается. Лена открыла папку, нашла приложенные документы и начала читать. За окном уже темнело, и хотелось скорее выйти на улицу.

В начале шестого позвонила Жанна.

— Ты где?

— На работе. Скоро выхожу.

— У тебя это сколько?

Лена подняла голову от монитора.

— Минут двадцать.

— Тогда жду. У меня есть тебе предложение, и ты его сначала выслушаешь.

— А конкретно?

— Вот на это и рассчитывала. Приходи, юрисконсульт.

Лена дописала служебную записку, сохранила документ и лишь после этого заглянула в телефон. Мама прислала фотографию контейнера: утренний сыр уже был разрезан и посолен. На фотографии рядом с ним лежала бумажка с крупной надписью «НЕ ТРОГАТЬ». Ниже Аня дописала: «До завтра». За порядком дома следили без неё.

В кафе Жанна сидела за крайним столиком с ноутбуком. На пустом стуле лежали накладные, на экране было открыто расписание смен. Увидев Лену, она убрала бумаги и подняла руку официанту.

— Тебе кофе?

— Лучше поесть. У меня с обеда яблоко.

— Суп есть хороший. И ты сегодня не торопишься.

— Мне домой надо.

— Надо. Через сорок минут тоже будет надо.

Жанна управляла кафе третий год. До этого они работали с ней в разных концах Москвы и встречались в основном в мессенджере, где по очереди обещали выбраться на следующей неделе. После переезда Лены наконец стали видеться чаще. Это было одним из немногих преимуществ, с которыми не приходилось себя уговаривать согласиться.

Пока несли суп, Жанна развернула ноутбук. На экране были нарисованы сырные головки, бутылки, корзина с яблоками и довольный бородатый мужчина в фартуке.

— Завтра едем сюда.

— Зачем?

— Погулять. Попробовать вкусного. У меня поставщик два пригласительных оставил.

Лена придвинула экран, прочитала программу.

— Ты же не любишь такие выставки.

— Я не люблю на них работать. Когда можно просто ходить, вполне люблю.

— А твои?

— Мои с утра к свекрови едут. Оба. Она им уже нашла, чем заняться. А ты с мамой договоришься?

Лена перевела взгляд с ярмарочного изобилия на посетительницу за соседним столом. Та спокойно ела пирожное и читала книжку. Телефон лежал рядом экраном вниз.

— Договорюсь. Наверное.

— Позвони.

— Я дома спрошу.

Жанна не стала спорить. Откинулась на спинку стула и дождалась, пока Лена возьмёт ложку.

— Только давай без сумки-холодильника, ладно?

— А зачем мне сумка-холодильник?

— На всякий случай говорю. Ты умеешь так: выйти погулять, а по дороге всем что-нибудь отвезти.

На прошлую их встречу Лена действительно принесла сыр Жанне и стопку старых журналов её маме. Журналы оказались тяжелее сыра, от автобуса они несли пакет вдвоём.

— Своим можно, — сказала Лена.

— Своим можно. Но завтра я хочу просто с тобой погулять.

Суп был густой, горячий, и Лена неожиданно обнаружила, что голодна гораздо сильнее, чем думала. Жанна рассказывала о новом поваре, который готовил прекрасно, но переставлял всё на кухне по собственному разумению. Телефон дважды зажёгся от рабочих сообщений; она переворачивала его и продолжала есть вместе с Леной.

— Сурик объявлялся? — спросила она, когда тарелки опустели.

— Позавчера. Спросил, не сломался ли у нас наконец кран.

— А он должен?

— По его прогнозам — ещё в марте.

Андрей ставил этот кран сам и уходил в таком расположении духа, что Лена до сих пор не могла решить, действительно ли починка требовала трёх вечеров. Первый он забыл нужный ключ, во второй купил другой шланг, в третий всё сделал и остался пить чай. Через месяц они развелись. Кран с тех пор работал безупречно.

— Что-нибудь ещё хотел?

— Не знаю. Я сказала, что всё в порядке.

Жанна посмотрела на неё, но развивать тему не стала. Пододвинула тарелку с маленьким печеньем, которое приносили к кофе.

— Бери. А то сейчас опять домой побежишь.

Домой Лена всё-таки поехала на полчаса позже, чем собиралась. По дороге набрала маму и, пока та не спросила про работу и ужин, сказала:

— Мы с Жанной завтра на выставку хотим. Продукты какие-то фермерские, сыры. На полдня примерно. Ты с Аней побудешь?

— Конечно. Во сколько?

Лена остановилась у пешеходного перехода.

— Часов в десять уйду. Или раньше. Я ещё у Жанны уточню.

— Мы в библиотеку можем сходить. Аня книжку досрочно прочла, ей продолжение нужно.

— Я вечером приготовлю, чтоб вам на завтра…

— Леночка, у нас суп есть. И мы обе до холодильника дотянемся.

Лена засмеялась.

— Хорошо. Спасибо, мам.

— Только надень что-нибудь красивое. У тебя вон блузка висит.

Субботнее утро началось с поисков колготок. Чёрные без затяжки нашлись в ящике у Ани: дочь вчера надевала их на голову, изображая длинные волосы. Она честно призналась сама, пока Лена ещё не добралась до вопроса, почему одна штанина завязана узлом.

— Расплетается, — успокоила Аня. — Я не туго.

— Ты в следующий раз свои бери.

— Они короткие.

Лена распутала узел. Колготки оказались целы, но надевать их уже расхотелось. Она вынула из шкафа джинсы, мягкий тёмно-зелёный джемпер и ту самую блузку, которую рекомендовала мама. Блузка была хорошая, только в ней Лена почему-то всегда чувствовала себя приглашённой на собрание.

— Зелёное надень, — сказала Аня из-за спины. — А то в этом ты как на первое сентября.

— У тебя передо мной теперь долг за колготки, между прочим.

— Я серьёзно. Зелёное красивое.

Лена приложила джемпер к себе. Действительно красивый. Вещи, которые покупаешь с удовольствием, как-то незаметно уходят в глубину шкафа, а сверху остаётся всё, что не жалко и не надо гладить. Она переоделась, убрала волосы за уши и посмотрела на себя внимательнее.

Тридцать пять лет, нормальное лицо, хорошие глаза. Под нижним веком тянулась едва заметная полоска от сна на боку; через полчаса исчезнет. Лена нашла тушь, накрасила ресницы и ещё немного постояла у зеркала, прикидывая, не слишком ли старательно получается для прогулки за сыром.

— Папа в два позвонит, я с ним договорилась, — сообщила Аня. — Ой, серёжки забыла.

— Кто, папа?

— Ты, мам.

Лена открыла шкатулку, нашла серебряные кольца под брошкой с обломанным замком и надела их. Аня одобрительно кивнула.

Нина Петровна заглянула в комнату с чашкой.

— Я тебе бутерброд оставила.

— Мы там есть будем.

— Когда ты туда ещё доедешь. И шарф возьми, на улице ветер.

Лена хотела ответить, что сама видела прогноз, но мама уже направилась к шкафу за шарфом. Нашла тонкий серый, тряхнула его и протянула дочери.

— Этот подойдёт. Ты хорошо выглядишь, Леночка.

От этой простой похвалы стало немного неловко. Лена намотала шарф, проверила телефон и ключи.

Аня устроилась на её кровати с книжкой. Обычно Лена в это время меняла постельное бельё, заводила стирку и решала, что приготовить сразу на два дня. На комоде лежала несвёрнутая простыня. Она протянула к ней руку, потом вспомнила, что простыню никто не собирается показывать гостям, и взяла сумку.

— Мам, я могу вечером задержаться.

— Хорошо. Позвони только.

— Я ненадолго. Просто если мы кофе…

— Лена, иди. Жанна уже, наверное, ждёт.

Подруга ждала у остановки. Увидела Лену, поправила на ней сбившийся край шарфа и спросила:

— Телефон, деньги, паспорт?

— И ты туда же.

— Это я свои вещи проверяю. Помолчишь — забуду.

Они сели в автобус на два свободных места у окна. Лена сунула телефон в сумку, откинулась на спинку и только тогда заметила, что не взяла ни одного пакета, который надо кому-нибудь передать.

Глава 3

У входа в павильон Жанна остановилась, глядя на выставочный план.

— Смотри, нам прямо, потом направо. Там сыры.

— А налево что?

— Колбасы.

Лена посмотрела на подругу.

— Ты специально меня голодную привезла?

— Ты же дома ела.

— Бутерброд.

— Вот как хорошо, что ты маму послушалась.

В павильоне пахло хлебом, кофе и чем-то копчёным. Под потолком висели большие жёлтые указатели, в проходах уже было тесно, хотя выставка открылась недавно. Посетители двигались от стенда к стенду с бумажными пакетами и маленькими тарелочками. На одном прилавке дымилась сковорода, у другого женщина в наушниках рассказывала про яблочный уксус.

Лена расстегнула пальто, размотала шарф и попыталась убрать его в сумку. Не получилось. Жанна достала оттуда сначала футляр для очков, потом пачку бумажных салфеток и уточнила:

— Ты точно ничего никому не везёшь?

Шарф в конце концов поместился. Пальто они сдали в гардероб и вернулись в зал налегке.

На первых двух стендах Лена пробовала молча. У козьего сыра оказался неожиданно мягкий вкус; другой понравился плотной тонкой корочкой. Она спросила, сколько его выдерживали, и задержалась, слушая ответ. Купили небольшой кусок: Лене захотелось съесть его дома на завтрак, не торопясь и с хорошим хлебом.

У следующего стенда Жанна встретила знакомую из другого кафе и на минуту остановилась поговорить. Лена прошла чуть дальше, к деревянным ящикам с рассольными сырами. В стеклянной витрине лежали белые бруски, нарезанные большими ровными кусками, рядом стояли миски с оливками и вялеными томатами. Девушка за стойкой протянула ей маленькую вилку.

— Попробуйте этот. Он понежнее.

Лена попробовала. Мягкость действительно была приятная: сыр легко поддался вилке, не крошился сухими крупинками. Но соль сразу забила всё остальное. Она подождала, разыскивая обещанное на табличке сливочное послевкусие, и взяла стаканчик воды.

Жанна догнала её с набитой визитками рукой.

— Ну как?

— Нежный. Но ему бы соли поменьше. Сам сыр почти не чувствуешь.

— Рассольный же, — отозвался мужчина справа.

Лена повернулась.

Он стоял рядом с краем витрины, держа в руке такую же маленькую вилку. Тёмно-синий джемпер, светлая рубашка под ним, короткие волосы с проседью у висков. Мужчина был выше её настолько, что пришлось поднять подбородок.

— Я понимаю, — сказала она. — Но я бы всё равно убавила.

Он посмотрел на сыр, потом на неё.

— А этот пробовали? — Он указал на соседнюю миску.

Из-за стойки им уже протягивали тарелочку. Мужчина отступил, пропуская подошедшую женщину, и Лена придвинулась к Жанне.

Второй сыр оказался лучше. Лена откусила половину кусочка, пожевала и кивнула девушке.

— Вот этот нравится. Спасибо.

— Он ещё со сливками идёт, — сказала та и повернулась к новым посетителям.

— Ну что, оправдали? — спросил мужчина.

— Второй хороший.

— Первый всё-таки не угодил.

— Мне не понравился. Может, кому-то именно такой и нужен.

Он усмехнулся, и его лицо сразу стало другим. До этого Лена приняла его за серьёзного человека, который услышал чужое мнение и счёл нужным поправить. Оказалось, ему было весело.

— Строго вы.

— Я же не заставляю вас со мной соглашаться.

— А сами лучше можете?

— Могу.

Лена ответила быстрее, чем успела подумать, зачем вообще вступает в этот разговор. Мужчина задержал на ней взгляд.

— Вы технолог?

— Юрисконсульт.

— А сыр?

— Дома делаю. Для своих.

— Технолог на полставки, значит.

Жанна издала тихий звук, похожий на кашель, и отвернулась к витрине.

Лена почувствовала, что улыбается.

— Вы сначала попробуйте, потом будете штатное расписание составлять.

Мужчина рассмеялся. Не громко, но так охотно, что ей самой захотелось продолжить.

— Справедливо. Дмитрий.

Он протянул руку. Лена переложила пакет с покупкой в другую ладонь.

— Елена.

Ладонь у него была большая и тёплая. Лена заметила, что на безымянном пальце нет кольца, и тут же рассердилась на себя: за сыром приехала, а уже пальцы рассматривает.

— А я Жанна, — сказала подруга. — Её дегустационная комиссия. Вы не думайте, она правда делает.

— Я верю, — ответил Дмитрий. — Уже хочу попробовать.

— Это можно, — неожиданно легко сказала Лена.

— Тогда спорим?

Она немного помедлила, всё ещё разглядывая его. У мужчины был спокойный голос, и он не наклонялся к ней слишком близко, хотя вокруг становилось шумнее. Лене нравилось, что ей не приходилось отступать, чтобы сохранить удобную дистанцию.

— На что?

— Если ваш лучше, ужин с меня.

Жанна немедленно заинтересовалась составом оливок на соседней табличке.

— А если не лучше? — спросила Лена.

— Тогда расскажете мне, почему так уверенно об этом говорили. За ужином.

— То есть результат ни на что не влияет?

— На выбор ресторана. В первом случае выбираете вы.

Лена покачала головой, но улыбку спрятать не получилось. Ей понравилась его настойчивость, хотя подругиным присутствием хотелось воспользоваться: пусть Жанна что-нибудь скажет, даст ещё секунду не отвечать. Та с усердием изучала оливки.

— Вы всегда так знакомитесь? — спросила Лена.

— Спорю из-за сыра? Первый раз.

— И я первый раз, — вставила Жанна.

— А ты вообще не участвуешь.

— Вот сейчас было обидно.

Рядом протискивался мужчина с двумя полными стаканчиками. Дмитрий подождал, пока он пройдёт.

— Отойдём? Мы тут весь проход заняли.

Они переместились к высокому столику. Жанна положила на него визитки, расправила помявшийся пакет и посмотрела на экран телефона.

— Мои гаражный ключ найти не могут. Сейчас вернусь.

Она отошла на пару шагов. Лена услышала её терпеливое: «Во внутреннем маленьком кармане» — и засмеялась.

Дмитрий положил на стол сложенную программу и повернулся к Лене.

— Какой сыр делаете? — спросил он.

— Разный понемногу. Но свой любимый тоже рассольный. Я его ещё на ферме придумала.

— У вас ферма была?

— У мужа. Бывшего.

Лена посмотрела на витрину за его плечом. Зачем понадобилось уточнять про бывшего? На сыр это никак не влияло.

— Там был маленький цех, — продолжила она. — Я сначала только помогала, потом сама увлеклась. Сейчас дома делаю.

— А где ферма?

— Была в области. Её больше нет.

Дмитрий кивнул и не стал спрашивать, что случилось. Лена невольно приготовилась объяснять и порадовалась возможности переменить тему.

— А вы ничего не покупаете?

— Я пока держусь.

— Смотрите только?

— Смотрю, что делают. Иногда спрашиваю, почему.

— И спорите с юрисконсультами.

— Сегодня да.

Он смотрел прямо, не торопя её следующей репликой, и от этого Лена вдруг сильнее обычного почувствовала серьги на ушах, вырез джемпера и то, как давно она просто не стояла рядом с мужчиной, которому явно интересно с ней говорить. Захотелось поправить волосы. Она удержалась, потом решила, что ничего страшного не случится, и всё-таки убрала выбившуюся прядь за ухо.

Жанна вернулась, пряча телефон.

— Все ключи нашли, живы. Я сейчас к кофейщикам загляну, они тут через ряд. Мне две минуты буквально, я человека давно поймать не могу.

— Конечно, — сказала Лена. — Я здесь подожду.

— Я тебе напишу, если задержусь.

Подруга собрала визитки и ушла.

— Кофе хотите? — спросил Дмитрий.

Она посмотрела в сторону, куда ушла подруга.

— Жанна сейчас вернётся.

— Здесь возьмём. Ей тоже. Какой пьёте?

Лена хотела ответить, что подождёт подругу, но Дмитрий по-прежнему стоял напротив, спокойно ожидая её решения. С ним хотелось ещё поговорить.

— Капучино, — сказала она. — Только небольшой.

— Хорошо. А Жанне?

Она ответила, и Дмитрий направился к стойке. Лена достала телефон. Мама прислала фотографию Ани в библиотечном кресле: дочь сидела, подвернув одну ногу, и читала новую книжку. На полу лежал пакет ещё с несколькими.

Лена увеличила фотографию и показала Дмитрию, когда он вернулся с кофе.

— Моя дочь.

Он наклонился, чтобы посмотреть.

— Похоже, уходить она оттуда не собирается.

— Да. А мы потом ещё будем продлевать.

Лена взяла у него стаканчик. На крышке уже было открыто отверстие, и, прежде чем пить, она спросила:

— Так вы всё-таки считаете, что тот первый хороший?

— Считаю, что мне надо попробовать ваш.

Лена отпила кофе, поставила стаканчик и написала маме: «Оставь мне, пожалуйста, немного сыра из маленького контейнера. Хочу угостить знакомого».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.